

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1: 811.163.41

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-78-92

О ДЕСТРУКТИВНОМ ВЛИЯНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Юлия Леонидовна Шапич

Представительство Россотрудничества в Сербии, Российский центр
науки и культуры «Русский дом» в Белграде, Белград, Сербия
Для контактов: julija.sapic@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется лингвистическая интерференция в письменном художественном переводе сборника рассказов А.П. Чехова на сербский язык „То је била она”, выполненном носителем сербского языка. Рассматриваются лексико-семантический и семантико-синтаксический уровни межъязыкового воздействия на материале русского и сербского языков, представленном в виде параллельно приведённых примеров оригинального текста и его перевода. Анализируются эффекты деструктивной интерференции, ведущие к смысловым искажениям оригинала. Результаты анализа являются посильным вкладом в изучение интерференции письменного и устного перевода на материале близкородственных языков и могут быть использованы для целей прикладной лингвистики.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, близкородственные языки, сербский язык, русский язык, художественный текст, письменный перевод

Для цитирования: Шапич Ю.Л. О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 78–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-78-92

Статья поступила в редакцию 20.09.2022;
одобрена после рецензирования 07.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

ON THE DESTRUCTIVE INFLUENCE OF LINGUISTIC INTERFERENCE IN THE TRANSLATION OF CHEKHOV'S STORIES INTO SERBIAN

Yulia L. Shapich

Representative Office of Rossotrudnichestvo in Serbia, Russian Center of Science and Culture „Russian House” in Belgrade, Serbia.

For contacts: julija.sapic@gmail.com

Abstract. The article analyzes the linguistic interference in the written literary translation of a book of stories by A.P. Chekhov into the Serbian language by a native speaker of the Serbian language. The lexical-semantic and semantic-syntactic levels of interlanguage influence in the Russian and Serbian languages are considered. The effects of destructive interference leading to semantic distortions of the original text are analyzed. The results of the analysis are a feasible contribution to the study of interference in translation and interpreting in closely related languages and could be used for the purposes of applied linguistics.

Keywords: linguistic interference, Serbian, Russian, literary text, written translation, stories, closely related languages

For citation: *Shapich Y.L.* (2022) O destruktivnom vlijanii lingvističkih interferencija pri prevodu rasskazov A.P. Chekhova na serbskij jazyk. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 78–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-78-92

The article was submitted on September 20.2022;
approved after reviewing on October 07.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Роль русской классической литературы для сербского народа трудно переоценить. Произведения русских писателей стоят в магазинах на полках «классика» (не «зарубежная литература»), изучаются в школе и считаются общеславянским эталоном нравственности, духовным фундаментом общества. Вот почему миссия межкультурного посредника — и преподавателя русского как иностранного, и переводчика — донести до сербского читателя аутентичный текст или его качественный перевод, который, кроме лингвокультуры и богатства художественных приёмов, представляет собой также нравственную парадигму.

Высококачественный перевод — подразумеваемая, но порой труднодостижимая цель, и виной тому часто является лингвистическая интерференция, возникающая в результате взаимодействия двух языковых систем. Языковые контакты десятилетиями привлекали лингвистов, как отечественных (Щерба, 1974), так и зарубежных (Вайнрайх, 1979), а с развитием переводоведения к интерференции правомерно установился интерес исследователей перевода (см. обзор: Самохина, 2018). Большинство трудов на русском языке посвящено механизмам влияния структур родного языка на неродной в устном и письменном переводе на английский, французский, немецкий, испанский и др. (Миньяр-Белоручев, 1996; Гарбовский, 2007; Алимов, 2015, 2005), см. также публикации (Мякшин, 2020; Кучуркина, 2017 и др.); количество работ, посвящённых переводу на родной язык, гораздо меньше (Серкова, 2020). В контексте взаимодействия с европейскими языками описаны типы интерференции. Так, например, выделяют фонетическую (фонологическую), орфографическую, грамматическую (морфологическую, синтаксическую и пунктуационную), лексическую, семантическую, стилистическую и внутриязыковую интерференцию (Алимов, 2015: 33). Сербские слависты и русисты интерференцию рассматривают в основном в аспекте преподавания русского языка (Кончаревић, 2004; Пешић, 2018) и др., тогда как работы в области перевода в целом немногочисленны и фрагментарны.

Об актуальности изучения интерференции на материале близкородственных языков свидетельствует, с одной стороны, возросший межкультурный и литературный взаимообмен, а с другой — недостаток научных и учебных материалов на данную тему. Комплексное изучение интерференции подразумевает, в первую очередь, инвентаризацию и классификацию проблемных единиц близкородственных языков, в терминологии В.В. Алимова интерферентов (2015), выявление и описание механизмов интерференции, критических языковых уровней родственных языков, а также освещение эффектов деструктивного переноса с целью предотвращения искажений и получения прикладных переводоведческих и лингвистических знаний. Не на последнем месте стоит вопрос о сохранении наследия русской классики — отечественного достояния и «визитной карточки» русской культуры за рубежом.

Так как речь идёт о межязыковом взаимодействии, основным для настоящего исследования является сопоставление текстов. Материалом послужили сербские издания рассказов А.П. Чехова, отобранные по принципу доступности современному сербскому читателю. В продаже обнаружено три сборника рассказов „7 при-

ча” (Чехов, 2021), „То је била она” (Чехов, 2008) и „Хумореске и приповетке” (Чехов, 2003), а четврти, „80 priča i novela” (Чехов, 1986), взят из библиотечних фондов. Переводы рассказов всех сборников, кроме 2008 г., характеризуются высоким уровнем эквивалентности и художественности языка; сборник „То је била она” (Чехов, 2008) содержит ряд искажений, в основном вызванных интерференцией³.

Имея в виду этимологическое родство русского и сербского языков, т.е. общность базового лексического фонда и сходство грамматико-синтаксических структур, преобладающим в процессе перевода является положительный перенос на различных языковых уровнях одновременно. А именно, лексемы двух языков, схожие по фонетическим и графическим характеристикам — межъязыковые омонимы и паронимы, — могут иметь идентичную корневую морфему, принадлежать к одной и той же грамматической категории, выполнять одинаковую синтаксическую функцию. Но их семантика может быть асимметричной и даже диаметрально противоположной, ср. хрестоматийные примеры: серб. *вредан* ‘прилежный’, *печенье* ‘мясо, жаркое’, *бистар* ‘прозрачный’ и др. В рассматриваемом письменном переводе на сербский (родной для переводчика) язык художественного текста на первом плане оказывается уровень семантики, точнее — лексико-семантический и семантико-синтаксический, а также внутриязыковая многоуровневая интерференция. Иными словами, речь идёт о неверной передаче семантики лексем (и фразем), семантики грамматических форм и контекста языка перевода в целом. В качестве иллюстрации приведём пример из рассказа «Дамы»:

- 1. *Чех.* ...У вашего батюшки есть состояние <...>, какая же вам надобность проситься на это место? Ведь жалованье грошовое! — Я не из-за жалованья, а так... И всё-таки служба казённая.⁴
- 1. *Пер.* ...Ваш браца је имућан <...>, па каква вам је потреба да тражите то место? Па тешко се сажалити на вас! — Нисам ја ради сажалења, само... (Дамы, с. 11)⁵.

³ Переводы выполнили: сб. 1986: В. Стевановић, М. Бабовић, М. Јанковић, М.М. Пешић, М. Стојнић, П. Митропан, М. Стојиљковић, Ј. Јанићијевић, А. Терзић, К. Цветковић, Љ. Михајловић, М. Максимовић, Д. Илић, М. Подольски; сб. 2003: М. Сибиновић, М. Бабовић, М.М. Пешић, П. Митропан, С. Сластиков, О. Влатковић, М. Табаковић, В. Стевановић, А. Терзић, Љ. Михајловић, Ј. Јанићијевић, М. Стојиљковић; сб. 2008: М. Бижић; сб. 2021: Ј. Јанићијевић, В. Стевановић.

⁴ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/damy.htm>

⁵ Здесь и далее в цитатах на серб. яз. приводятся примеры из сборника „То је била она” (Чехов, 2008).

Итак, молодой человек в переводе живёт на деньги ‘брата’; далее, собеседник убеждает его отказаться от места, аргументируя это *грошовым жалованием*, а в переводе ему ‘трудно сжалиться’ над ним; наконец, ответ юноши *я не из-за жалования* переведён как ‘я не из-за сожаления’. Негативный перенос происходит на лексико-семантическом уровне — *батюшка* воспринято как образование от серб. *бата* ‘брат’ с диминутивным суффиксом *-юшк-*, а *жалование* — как отглагольное существительное от глагола *жалеть*⁶.

Рассмотрим другой пример — описание бедной обстановки дома акушерки («Необыкновенный»):

- 2. Чех. Зелёный свет лампочки скудно ложится на дешёвую мебель в белых запыленных чехлах, на *жалкие цветы*, на *косяки*, по которым *вьётся плющ*...⁷
- 2. Пер. Зелено светло светильке оскудно пада <...> на *суморне боје*, на *прозорске оквире* по којим се *сакупља буђ*... (Чудак, с. 30).

В данном случае под влияние внутриязыковой грамматической интерференции попали формы мн. ч. слов *цвет* и *цветок*, и *цветы* переданы как ‘цвета’, *косяки* — как ‘оконные рамы’, по которым в переводе растёт ‘плесень’ (вместо *плющ*), а атрибут *жалкие* переведён как ‘мрачные’. Учитывая, что последнее выбрано ради семантического согласования и контекстно обусловлено (так же, как и *сакупља* на месте ‘вьётся’), следует выделить ещё один уровень, смежный с другими уровнями интерференции и являющийся их следствием, который можно условно назвать уровнем контекстного согласования.

Приведём третий пример, где герой описывает процесс творчества («Драматург»):

- 3. Чех. ...Мне в руки случайно или через приятелей — *самому-то мне некогда следить!* — попадаетея какая-нибудь французская или немецкая штучка. <...> Я несу её к сестре или *нанимаю целковых за пять студента*... Те переводят, а я <...> подтасовываю под русские нравы...⁸
- 3. Пер. ...Мени у руке случајно или преко пријатеља — *и сам сам некада тако радио* — допадне некакво француско или немачко делце. <...> Однесем га сестри или *позајим пара за пет студената*... Па преводне... (Драматург, с. 21).

Передача сочетания *некогда следить* словами ‘я сам так когда-то делал’ вызвана формальным (фонетическим и графическим,

⁶ Ср. семантический верный перевод раннего сборника: „Pa plata je bedna! – Ja ne tražim zbog plate, nego...” (Čehov, 1986: 317).

⁷ <http://chegov-lit.ru/chegov/text/neobyknovennyj.htm>

⁸ <http://chegov-lit.ru/chegov/text/dramaturg.htm>

морфологическим, лексическим, грамматическим) сходством рус. *некогда* с серб. *некада* ‘когда-то’, а рус. *следить* — с серб. *следити* ‘следовать’ (правилу и т.д.). В искажении смысла контекста *нанимаю студента за пять целковых* (в сербском переводе ‘занимаю денег на пять студентов’) участвует уровень морфологии — смешение приставок *за-* и *на-* в глаг. *нанимать* и *занимать*, а также грамматики — из-за формального соответствия формы ед.ч. слова *студента* в русском языке форме род. п. мн. ч. в сербском, а катализатором выступает синтаксическая структура, основанная на инверсии и выражающая значение приблизительности в русском языке — *целковых за пять*.

В эпизоде рассказа «Печенег» о княгине, оплакивающей мужа, интерференцию провоцирует синтаксическая структура предложения: повторяемость частицы, формально схожей с конструкцией с повторяющимся союзом ‘то... то...’ (возможна также неверная интерпретация *стонет* как *станет*):

- 4. Чех. *Уж она голосит-голосит, уж она стонет-стонет...*⁹
- 4. Пер. *...Час плаче, час престане...* (Печенеџ, с. 124) ‘то плачет, то перестанет’.

В следующем примере и ряде других случаев возникает вопрос, является ли причиной неверного переноса лексическая единица-интерферент или интерпретация контекста. Так, в рассказе «Ванька» слово *неделя* воспринято как ‘не-дело, бездействие’, т.к. герой «непростительно» заснул, качая хозяйского ребёнка:

- 5. Чех. *А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку...*¹⁰
- 5. Пер. *А због пропуста домаћица ми је наредила да...* (Ванька, с. 46) ‘из-за проступка хозяйка велела мне...’

В рассказе «Муж» скрытым фактором интерференции выступает жанр этого фрагмента — монолог-рассуждение, где герой, глядя на жену, танцующую с офицером, «думает» вслух:

- 6. Чех. *Глядеть противно!*¹¹
- 6. Пер. *С друге стране!* (Муж, с. 16)

Объясним приведённый пример подробнее: выражение *глядеть противно* истолковано как ‘глядя напротив, глядя с противоположной стороны’ и соотнесено с характерной для рассуждения вводной конструкцией *с одной / с другой стороны*.

⁹ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/pecheneg.htm>

¹⁰ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/vanka.htm>

¹¹ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/muzh.htm>

Наконец, яркими примерами искажений, связанных с неверно понятым контекстом, являются случаи с заменой адресатов оскорблений: героиня называет *мерзавками*¹² женщин (за флирт), а в переводе ‘мерзавцами’ становятся не они, а мужчины-татары (Дут језик, с. 25–26); *молокосос* и *мальчишка* (о любовнике жены)¹³ в переводе становятся обращением к самой жене: серб. *балавице*, *клинка* (Освета, с. 38).

Как видим, наиболее типичным для русско-сербского негативного переноса является уровень лексико-синтаксический. Анализ текстов выявляет целую палитру так называемых «ложных друзей» переводчика, межъязыковых омонимов и паронимов с коварными семантическими расхождениями. Так, *английская горькая* (спиртное) переведена как *енглески горки чај* ‘английский горький чай’¹⁴ (с. 14); *вовремя* — *времена на време* ‘время от времени’ (с. 45); *вечерась* — *вечерас* ‘сегодня вечером’ (с. 46); *высечь* — *посећи* ‘порезать’ (с. 125); *глиба (снега)* — *глиб* ‘грязь’ (с. 7); *детская (комната)* — *дечији* ‘детский’ (мир) (с. 5); *домовой* — *домар* ‘дворник’ (с. 138); *драться* — *драти се* ‘кричать’ (с. 33); *как-то* ‘один раз’ — *понекад* ‘иногда’ / *что-то* ‘что-то’ (с. 11) / *так* ‘так’ (с. 66); *конечно* — *најзад* ‘наконец’ (с. 50); *коронка (зуба)* — *корен* ‘корень’ (с. 43); *лестно* — *лако* ‘легко’ (с. 126); *мне некогда* — *некада* ‘когда-то’ (с. 21); *молодая баба, хохлушка* — *супруга бујне косе* ‘с буйными волосами’ от хохол волос (кроме того, *баба* в рассказе не супруга, а прислуга, с. 121); *мороженое* — *ледено* ‘ледяное’ (с. 20); *некрашенная (мебель)* — *неукрашена* ‘неукрашенная’ (с. 121); *нелепо* — *мање лепо* ‘менее красиво’ / ‘некрасиво’ (с. 6, 58); *нянька* — *бака* ‘бабушка’, аналог. серб. *нана* (с. 5); *отпевать (умершего)* — *запевати* ‘запеть’ (с. 148); *погладить (собаку)* — *погледати* ‘посмотреть’ (с. 61, 66); *покривить* — *прекрити* ‘покрыть’ (с. 47); *прехорошенькая* — *предобра* ‘очень хорошая’ (с. 146); *пятерня* — *петорица* ‘пять человек’ (с. 56); *ругаться* — *ругати се* ‘издеваться’ (с. 44, 50); *сени* — *сеник* ‘сеновал’ (с. 46); *тыкать* — *тући* ‘бить’ (с. 46); *фрунт* — *строј* ‘строй’, аналог. с *фронт* (с. 56); *хлебнёшь* (чаю) — *мрвицу хлеба* ‘крошку хлеба’ (с. 41); *хорошенький (офицер)* — *добар* ‘хороший’ (с. 15); *шуба* — *шубара* ‘шапка’ (с. 5) и др.

Традиционную медвежью услугу переводчику оказывают фразеологизмы и другие устойчивые конструкции, а именно их калькирование. Неверный перевод фразеологизмов следует рассматривать

¹² <http://chehov-lit.ru/chehov/text/dlinnyj-yazyk.htm>

¹³ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/mest-turmanov.htm>

¹⁴ Ср. эквивалент *engleska gorkovača* в (Џехов, 1986: 66).

на стыке лексико-семантического и семантико-синтаксического уровня интерференции. Так, в рассказе об удалении зуба «Хирургия» фельдшер несколько раз повторяет фразеологизм *раз плюнуть* 'легко'. В переводе он даётся буквально: в первом случае фельдшер говорит о себе — *опљунеш једанред* 'сплунешь разок', а второй раз переводчик предлагает сплунуть пациенту: *опљуните једаред* 'сплуньте разок' (с. 42). В рассказе «Письмо» героиня *в интересном положении* 'беременна', а в переводе она оказывается буквально у *занимљивој ситуацији* 'в интересной ситуации' (с. 54). В рассказе «Муж» из-за приезда офицеров с дамами делается *чёрт знает что* 'нечто неопишемое', но в сербском тексте *ђаво ће га знати што се дешавало с дамама* 'чёрт знает / никто не знает, что происходило с дамами'¹⁵ (с. 14). Фразема *в один прекрасный день (утро, вечер)*, предшествующая неожиданному, часто неблагоприятному повороту, передаётся в рассказе «Дамы» дословно: *једног предивног јутра* (с. 11), хотя в сербском имеется коллокация со схожим ассоциативным смыслом *једног лепог дана / јутра*. В рассказе «Печенег» приказчик *за трёшницу согласится хоть в петлю* 'на виселицу', но *петля* переведена как *замка* 'ловушка'; *некуда деваться* 'нет выхода' передано буквально как *морају негде да се деду*, хотя в серб. есть эквивалентное устойчивое выражение *немају куд* (с. 125).

Калькированы некоторые устойчивые синтаксические конструкции. Так, в рассказе «Гриша» мальчик в полусне гонит от себя печь: *пошла отсюда, печка!* В сербском эти слова лишены императивного смысла: *изашла је оданде, пећ!* 'вышла оттуда, печь' (с. 8). Ванька в одноимённом рассказе умоляет дедушку забрать его из города словами: *нету никакой моей возможности* 'я больше не могу'. В сербской версии мальчик сообщает: *овде нема никаквих могућности за мене* 'здесь для меня не имеется никаких возможностей' (с. 46).

Искажение смысла вследствие интерференции на уровне синтаксических связей говорит об их огромной роли в смысловой организации высказывания. Так, мальчик в рассказе «Гриша» говорит *не столько языком, сколько лицом и руками*, т.е. двухлетний малыш ещё не умеет говорить, так что его мимика и жесты выразительнее слов. В переводе прагматика конструкции утеряна: *Говорио је не*

¹⁵ Аналогичная трудность возникла в переводе 1986 г.: „...a što se tiče dama — đavo će ga znati šta je s njima” (Čehov, 1986: 65). Суть высказывания 'с дамами творилось нечто неопишемое, они потеряли головы', ускользнувшая в переводах, могла быть передана словами *са дамама се дешавало нешто неопишиво, не можете ни да замислите / а тек шта се дешавало са дамама...*

само језиком него и лицем и рукама ‘не только языком, но и лицом и руками’ (с. 7).

В рассказе “Rara avis” сыщик в ответ на просьбу писателя показать ему фальшивомонетчиков, шантажистов и прочих негодяев отвечает: *И это можно... Сколько хотите!* Однако в сербском тексте вместо значения ‘много’ находим условие: *уколико желите* ‘если хотите’. После этого сыщик Чехова затрудняется показать честных людей, чем создается контраст между ними и множеством обманщиков. Так как из перевода не следует, что обманщиков много, этот контраст утерян (с. 24).

Неточности наносят вред художественному и лингвокультурному восприятию текста в разной степени. Меньшей степенью вреда могут считаться такие, как описание кошки, похожей на *шубу*, а в сербском — на *шубару* ‘шапку’, промелькнувшее в рассказе «Гриша» (с. 5). Однако в других случаях неверное звено вызывает диссонанс на прагматическом уровне восприятия текста, нарушая его логику.

Так, первые слова рассказа «Необыкновенный» *первый час ночи* переведены как ‘первый вечерний час’, хотя описание внешнего вида акушерки, к которой ночью звонят в дверь, свидетельствует о том, что она уже легла спать. В сербском тексте оказывается недосказанной важная деталь: акушерку побеспокоили ночью. Вернёмся к примеру с ‘плесенью’ на окнах: привнесение переводчиком этой детали производит странный эффект, принимая во внимание профессию акушерки, которая живёт хоть и скромно, но не неряшливо (ср. *белые заплатанные чехлы* на мебели) (с. 30). В рассказе «Печенег» *баба* становится ‘супругой’ (на самом деле, супруга появляется лишь через пару страниц), причём тот факт, что она *хохлушка* ‘украинка’, делает её в сербском тексте *бабой* ‘с буйными волосами’ (с. 121).

Искажению подвергаются и авторские идеи. Так, высказывание чиновника из рассказа «Дамы» *нечего делать*, переданное словами *нешто ћемо урадити* ‘что-нибудь придумаем’ (с. 12), является неверной модификацией намерения автора передать ощущение безысходности от подчинения вышестоящему чиновнику¹⁶. Ещё одна идея — о том, что честных людей мало, — вынесена в само название рассказа “Rara avis” ‘редкая птица’, но не находит своего отражения в тексте перевода.

Искривления затрагивают уровень лингвокультурной и лингвострановедческой информации. В рассказе «Гриша» фигурирует *нянька*, а в переводе — *бабушка*, которая в городе встречается,

¹⁶ Ср.: Nema se kud... (Џехов, 1986: 317–318).

видимо, с офицером (обладателем пуговиц) и отправляется с ним куда-то (обходя снежные *глыбы*, в переводе — *глиб* ‘грязь’) пить и обниматься — поведение, странное для бабушек с внуками. Кроме прочего, *три* рюмки в переводе превращаются в ‘две’, а мальчик, которому дают отхлебнуть водки, ‘закрывает’ глаза, хотя у Чехова *таращит* их (с. 7).

Как известно, язык Чехова отличается лаконичностью, именно поэтому в тексте каждое слово играет роль. Так, обращение *матушка* является знаком уважительного отношения мужа к жене. В переводе находим обращение *жено* ‘жена / женщина’ (с. 11), в лучшем случае — нейтральное, в худшем — грубое.

Безусловно, трудностью для перевода являются реалии и понятия прошлого. Так, утеряна мелькнувшая в рассказе «Ванька» картинка рождественского колядования *со звездой тут ребята не ходят — деца не ходају наоколо* ‘дети вокруг не ходят’ (с. 47). Сказанное относится и к устаревшим предметам. Стоматологический инструмент *козья ножка* из рассказа «Хирургия» переведён как *коњска кљешта* ‘щипцы-кусачки’ (обычно большие, для арматуры и т.д., с. 42), в результате картина удаления зуба приобретает больше жестокости, чем у Чехова. В рассказе «Печенег» попутчикам в карете мешает говорить *тряская езда*, а в переводе это *бука од вожње* ‘шум’ (с. 120). Так, вместо характерной для России неровной просёлочной дороги, которую представляет себе русский читатель, перед сербским читателем возникает картина повозки, тархтящей так громко, что трудно говорить¹⁷.

Лингвострановедческая специфика теряется и на уровне служебных слов: героиня рассказа «Муж» приезжает из Ялты, а в переводе — с Ялты. Предлог указывает, скорее, на географическое название горы или острова, чем на название города.

Неверная транслитерация разрушает общеславянский культурный фон, константы которого оказываются неузнанными. *Афонская гора* переведена как *Афонска планина* (Хирургија, с. 42), ср. серб. *Атос* или *Света Гора*. В такой транслитерации сербский читатель вряд ли узнает свою святыню.

Интерференция оказывает деструктивное влияние на авторские художественные приёмы. Так, рассказ «Муж» завершается контрастной сценой, где супружеская пара возвращается по темноте и грязи с шумного бала, жена — с чувством горечи и обиды, муж — пустоты и ничтожности жизни: *А музыка, между тем, гремя-*

¹⁷ Ср. адекватный перевод *smetalo truckanje* ‘тряска’ (Čehov, 1986: 222).

ла, и потёмки были полны самых плясовых, зажигательных звуков. При переводе конструкции между тем серб. союзом *ипак* 'всё-таки' возникает особый оттенок значения уступки, которого нет в оригинале, — там музыка гремит, несмотря ни на что.

Пострадавшими оказываются также художественные образы. Острое, щемящее чувство жалости переполняет читателя рассказа «Ванька» при описании несчастного ребёнка, с трудом сдерживающего рыдания: *Ванька покривил рот, потёр своим чёрным кулаком глаза и всхлипнул*. Это чувство вряд ли испытает сербский читатель: *Ванька је прекрио уста, протрљао својом поцрнелом песнициом очи и зевнуо* 'Ванька прикрыл / покрыл (рукой) рот, потёр своим чёрным кулаком глаза и зевнул', т. е. Ваньке хочется спать. Такая реакция мальчика после только что написанных пронзительных строк может навести на мысль о неискренности письма.

Настоящая статья не охватывает неточностей перевода, не имеющих, на наш взгляд, прямого отношения к интерференции, как то: *весноватое (покрытое веснушками) лицо — неразбуђено* 'заспанное' (с. 30), *жокейское лицо — одважно* 'отважное' (с. 11), *тёмный образ (икона) — тамна просторија* 'тёмное помещение' (с. 45), *леденцы — киселе бонбоне* 'кислые конфеты' (с. 48), *остановить — отарасити се* 'отделаться' (с. 49), *встав ото сна — одрићући се сна* 'отрекаясь от сна' (с. 35), *луга — шуме* 'леса' (с. 122), *сдохшая лошадь — коњи* 'кони' (мн.ч.) (с. 125), *пейсы (волосы на висках) — новце* 'деньги' (с. 146), *неприлично — несвојствено себи* 'несвойственно себе' (с. 55), *заметалась — забацила је главу* 'закинула голову' (с. 56), *сгодиться на что-нибудь — наићи на нешто* 'найти что-нибудь' (с. 58), *кусочки — мрвице* 'крошки' (с. 58) и т.д., а также пропуски предложений в рассказах «Муж», «Печенег», «Драматург», «Ванька» и повторы в «Каштанке». Эти и другие вопросы могут быть предметом анализа в отдельной статье.

Таким образом, рассмотренный перевод художественного текста, выполненный носителем сербского языка, изобилует лексикой, фразеологией и синтаксическими конструкциями, дающими материал для изучения интерференции в переводе. Анализ позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, взаимодействие русского и сербского языков происходит одновременно на нескольких уровнях языковой организации, что связано с этимологией и структурной схожестью языков, однако наиболее типичными являются случаи семантической — лексико-семантической и семантико-синтаксической, а также внутриязыковой интерференции. Первичная интерференция часто влечёт за собой контекстное

согласование, т.е. дополнительное семантическое «выравнивание» контекста, которое ведёт к искажению смысла, авторских идей, лингвокультуры, редукции художественных приёмов. Причинами интерференции являются неверные ассоциации, провоцируемые как морфологической структурой лексемы, так и синтаксическими и жанровыми особенностями контекста. Эффекты интерференции указывают на важность учёта данного феномена при переводе с близкородственных языков, который на первый взгляд кажется не требующим владения языком-источником в совершенстве, а также на первостепенное внимание к постижению и поиску точных эквивалентов переводимых языковых единиц: лексем, фразеологизмов, фразеологизированных конструкций, синтаксических оборотов, пониманию и передаче культурологической информации, смысла авторских идей. Ряд проблемных языковых единиц — лексем, фразем и синтаксических конструкций, приведённых в работе, может быть дополнен и использован в качестве учебно-дидактического материала.

Список литературы

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале проф. ориентир. межкультур. коммуникации и пер. в сфере проф. коммуникации): автореф. дис. ... д. филол. н.: 10.02.19. / В.В. Алимов. Военн. ун-т. М.: РГБ, 2005.

Алимов В.В. Теория перевода: Пособие для лингвистов-переводчиков: учебн. пособие. 2-е изд. / В.В. Алимов. М.: Ленанд — URSS, 2015. 240 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. Киев: Вищяя школа, 1979. 265 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. Учебник. 2-е изд. / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.

Герасимова Н.И. Межъязыковая интерференция в переводе: дидактический аспект проблемы / Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) 23 (2007). С. 178–183.

Кончаревић К. Савремена настава руског језика / К. Кончаревић. Београд: Славистичко друштво Србије, 2004. 440 с.

Кучуркина Е.В. Проблема межъязыкового явления «Ложные друзья переводчиков» / Образование. Карьера. Общество. № 3 (54), 2017. С. 53–55.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Мякишин К.А. Явление интерференции в переводе (на материале английского языка) / Наука. Исследования. Практика. Сборник избранных ст. по мат. научн. конференции, 2020. С. 75–78.

Пешић А. Међујезичка интерференција при усвајању граматике руског језика на примерима Гимназије „Свети Сава” и Тринаесте београдске

гимназије / Живи језици: часопис за стране језике и књижевности, 38.1, 2018. С. 169–191.

Самохина И.А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике / Вестник ТвГУ. Серия «Филология». № 4, 2018. С. 90–96.

Серкова С.Е. Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 4, 2020. С. 55–62.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. (Электрон. ресурс). Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/rassказы.htm>

Чехов А.П. 7 прича. Прев. Вида Стевановић, Јован Јанићијевић. 2-е изд. Београд: ЛОМ, 2021. 146 с.

Чехов А.П. Хумореске и приповетке. Прев. М. Бабовић, В. Стевановић / А.П. Чехов. Београд: Портал, 2003. 176 с.

Чехов Антон. То је била она (кратке приче). Ур. Владимир Меденица. Прев. Мирко Бижић / А. Чехов. Београд: Логос, 2008. 159 с.

Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии / Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 313–318.

Čehov A.P. (1986) 80 priča i novela. Prev. Milosav Babović (et al.) / A.P. Čehov. Beograd: „Vuk Karadžić“. Moscow: Raduga. 734 p.

References

Alimov V.V. (2005) Interferencija v perevode (na materiale prof. orientir. mezhkul'tur. komunikacii i per. v sfere prof. komunikacii) = Interference in Translation (on the Material of Professionally Oriented Intercultural Communication and Translation in Professional Communication): author's abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology 10.02.19. Voenn. un-t. Moscow: RGB (In Russian).

Alimov V.V. (2015) Teorija perevoda: Posobie dlja lingvistov-perevodchikov = Handbook for Linguists Translators. 2-nd ed., Moscow: Lenand — URSS. 240 p. (In Russian).

Čehov A.P. (1986) 80 priča i novela = 80 stories and novels. Transl. Milosav Babović (et al.). Belgrade: „Vuk Karadžić“. Moscow: Raduga, 734 p. (In Serbian).

Čehov A.P. (2003) Humoreske i pripovetke = Humoresques and stories. Transl. M. Babović, V. Stevanović. Belgrade: Portal. 176 p. (In Serbian).

Čehov A.P. (2021) 7 priča = 7 stories. Transl. Vida Stevanović, Jovan Janičijević. 2nd ed. Belgrade: LOM, 146 p. (In Serbian).

Čehov Anton. (2008) To je bila ona (kratke priče) = It was her (short stories). Ed. Vladimir Medenica. Transl. Mirko Bižić, Belgrade: Logos, 2008. 159 p. (In Serbian).

Čehov A.P. (1974–1982) Polnoe sobranie sochinenij i pisem: 30 Vol. = The Complete Works and Letters in 30 Volumes. AN SSSR. Institut mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo, Moscow: Nauka Publ., <http://chehov-lit.ru/chehov/text/rassказы.htm>

Garbovskij N.K. (2007) *Teorija perevoda. Uchebnik = Translation theory. Handbook.* 2-nd ed. Moscow: MGU. 544 p. (In Russian).

Gerasimova N.I. (2007) *Mezhjazykovaja interferencija v perevode: didaktičeskij aspekt problemy = Interlanguage Interference in Translation: The Didactic Aspect of the Problem.* Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomičeskogo universiteta (RINH). No. 23, pp. 178–183 (In Russian).

Končarević K. (2004) *Savremena nastava ruskog jezika = Modern Russian language teaching.* Belgrade: Slavističko društvo Srbije. 440 p. (In Serbian).

Kuchurkina E.V. (2017) *Problema mezhjazykovogo javlenija “Lozhnye druž’ja perevodčikov” = The Problem of the Cross-Language Phenomenon “False Friends of Translators”.* Obrazovanie. Kar’era. Obshhestvo. No. 3 (54), pp. 53–55 (In Russian)

Min’jar-Beloruchev R.K. (1996) *Teorija i metody perevoda = Translation theory and methods.* Moscow: Moskovskij licej Publ. 208 p. (In Russian).

Mjakshin K.A. (2020) *Javlenie interferencii v perevode (na materiale anglijskogo jazyka) = The phenomenon of interference in translation (in English).* Nauka. Issledovanija. Praktika. Sbornik izbrannyh statej po materialam nauchnoj konferencii, pp. 75–78 (In Russian).

Pešić A. (2018) *Međujezička interferencija pri usvajanju gramatike ruskog jezika na primerima Gimnazije „Sveti Sava” i Trinaeste beogradske gimnazije = Interlanguage Interference in the Learning of Russian Grammar as Examples of Saint Sava School and The Trinaesta Belgrade School.* Živi jezici: časopis za strane jezike i književnosti No 38.1, pp. 169–191 (In Serbian).

Samohina I.A. (2018) *Jazykovaja interferencija: obzor issledovanij v lingvistike = Linguistic Interference: A Review of Research in Linguistics.* Vestnik TvGU. Ser. “Filologija”, No 4, pp. 90–96 (In Russian)

Serkova S.E. (2020) *Perevodčeskaja interferencija i rechevye oshibki v uchebnom sinhronnom perevode na rodnoj jazyk = Translation Interference and Speech Errors in Native-Language Simultaneous Interpretation.* Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22. *Teorija perevoda.* No 4, pp. 55–62 (In Russian).

Shherba L.V. (1974) *K voprosu o dvujazyčhii = On bilingualism.* In: *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel’nost’.* Leningrad: Nauka Publ, pp. 313–318 (In Russian).

Vajnrakh U. (1979) *Jazykovye kontakty = Language in Contacts. Findings and problema.* Kiev: Vishhaja shkola (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шапич Юлия Леонидовна — преподаватель, Представительство Рос-сотрудничества в Сербии, Российский центр науки и культуры «Русский дом» в Белграде, ул. Королевы Натальи 33; julija.sapic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4788-5497>, SPIN-код 1306-9371, Researcher ID CAF-0390-2022

ABOUT THE AUTHOR:

Yulia L. Sapich — Professor, Representative at the Office of Rossotrudnichestvo in Serbia, Russian Center of Science and Culture „Russian House” in Belgrade, 33 Kraljice Natalije St.; **Julija.sapic@gmail.com**, <https://orcid.org/0000-0002-4788-5497>, SPIN-code 1306-9371, ResearcherID CAF-0390-2022

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.